

УДК 82.0: 801.6

Галина Альфредовна Склейнис*д-р филол. наук, доц., проф. каф. русской филологии и журналистики
Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан)***Galina Sklejnis***Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Philology and Journalism
of Northeastern State University (Magadan)**e-mail: psy-adept@rambler.ru***«ВЕЛИКОЕ ПЯТИКНИЖИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В ЖАНРОВОМ КОНТЕКСТЕ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА**

Исследовано романное «пятикнижие» Ф. М. Достоевского в жанровом контексте антинигилистической прозы. Показано, в чем заключается своеобразие интерпретации писателем нигилистических идей, какие пути и формы полемики с идеями нигилизма выводят его романистику за жанровые рамки антинигилистического романа. Рассмотрение «пятикнижия» через призму жанровых законов антинигилистической романистики позволяет выявить новые грани творческой индивидуальности великого писателя, убедить в несомненности этого величия. Жанровая характеристика романов «великого пятикнижия» осмыслена в аспектах жанрового содержания («политический роман») и жанровой формы («роман-метафора», «роман-символ»). Аргументируется тезис о том, что взгляд на эмпирическую реальность через призму метафизической позволил Ф. М. Достоевскому дать особую художественную трактовку нигилистическому миропониманию, выводящую его за жанровые рамки антинигилистической романистики.

Ключевые слова: «пятикнижие», нигилизм, антинигилистический роман, публицистичность, беллетристика, жанр, романная форма.

«The Great Pentateuch» by F. Dostoevsky in the Genre Context of the Anti-Nihilistic Novel

The article examines the «Pentateuch» novel by F. Dostoevsky in the genre context of anti-nihilistic prose. The peculiarity of the writer's interpretation of nihilistic ideas are shown; ways and forms of polemics with the ideas of nihilism that take his literary works beyond the genre framework of an anti-nihilistic novel are presented in the article. Consideration of the «Pentateuch» through the prism of the genre laws of anti-nihilistic novelistics makes it possible to reveal new facets of the creative individuality of the great writer, and prove the undoubtedness of his greatness. The genre characteristics of the novels of the «Great Pentateuch» are regarded in terms of genre content («political novel») and genre form («metaphor novel», «symbol novel»). The author of the article states that the view of empirical reality through the prism of metaphysical one allowed F. Dostoevsky to give a special artistic interpretation of the nihilistic world outlook, which takes it beyond the genre framework of anti-nihilistic novelistics.

Key words: «Pentateuch», nihilism, anti-nihilistic novel, publicistic character, fiction, genre, novel form.

Введение

Практически все романное творчество Ф. М. Достоевского 1860–70-х гг. явно (и порой непосредственно) ориентировано на жанровые каноны антинигилистической прозы. В каждом из романов, написанных в послекаторжный период, начиная с «Преступления и наказания», можно выявить черты (определенные мотивы, сюжетные ходы, «непосредственную» публицистичность, типы характеров и сатирические принципы типизации и др.), свойственные антинигилистической беллетристике.

В этом отличие Ф. М. Достоевского, например, от Л. Н. Толстого, интерес кото-

рого к способам освоения действительности, характерным для антинигилистического романа, был преходящим, недолговечным и вылился в жанр антинигилистической комедии, не нашедший развития в русской литературе. Продолжая линию сопоставления с Толстым, следует отметить, что увлечение «злобой дня», ориентация на жанровые законы антинигилистического творчества нивелировали толстовскую индивидуальность, привели к созданию памфлетной комедии, где эмпирическое доминирует над эстетическим. Что же касается Ф. М. Достоевского, то в каждом из его зрелых романов нигилистическое миропонимание интерпре-

тируется особым образом, и интерпретация эта не вписывается в жанровые каноны, выработанные антинигилистической прозой.

В ходе дальнейшего анализа мы рассматриваем романное «пятикнижие» Достоевского в жанровом контексте антинигилистической прозы. Цель такого соотнесения – показать, в чем заключается своеобразие интерпретации писателем нигилистических идей; какие пути и формы полемики с идеями нигилизма выводят его романистику за жанровые рамки антинигилистического романа. Мы полагаем, что рассмотрение «пятикнижия» через призму жанровых законов антинигилистической романистики позволит выявить новые грани творческой индивидуальности великого писателя, убедит в несомненности этого величия.

Основная часть

Рассматривая пять великих романов Ф. М. Достоевского в жанровом контексте антинигилистического романа, следует развести такие понятия, как «нигилистическая злоба дня» и «нигилистическая атмосфера».

В антинигилистической романистике «злоба дня» часто оставляет впечатление самоцельности; в памфлетном изображении нигилистов угадываются предубеждение, личная неприязнь автора или идеологический заказ, заставляющие писателя идти на искажение сущности вещей. В романистике Ф. М. Достоевского нигилистическая «злоба дня» вбирается в нигилистическую атмосферу цинизма, преступности, вседозволенности, пронизывающую все сферы романной реальности. При этом Достоевский тоже часто оказывается пристрастен в оценках нигилистов и нигилизма. Пристрастен и страстен в своем осуждении, на характер которого наложил отпечаток личный опыт искушения нигилистическими идеями.

Идеологический опыт писателя, переосмысленный и отвергнутый, включается в нигилистическую тему, «подпытывает» ее, придавая особую эмоциональность развенчанию того, что автор трактует как последствия собственных заблуждений. Но то же самое присутствие автобиографического начала позволяет писателю уйти от памфлетности, подняться над «злостью дня», характерной для антинигилистического романа. Характер разработки антинигилистической проблематики становится при этом

двойственным. С одной стороны, «периферийные» герои-нигилисты, особенно в «Идиоте» (компания Келлера – Бурдовского), «Бесах» («наши») и «Братьях Карамазовых» (Ракитин), часто создаются Достоевским в жанровых традициях антинигилистического романа: они памфлетны, гротескны, между ними и автором «дистанция огромного размера» – дистанция отвращения. Однако с другой стороны, было бы совсем неправомерно связывать антинигилистический пафос этих романов только с периферийными героями-нигилистами. Идеи нигилизма, растворенные в романной реальности, проникают в разные слои общества, искушают, заражают. Авантюрная и фантастическая атмосфера «великого пятикнижия», его общий пафос тесно связаны с авторской концепцией нигилизма.

Пафос антинигилистической беллетристики неоднороден, но прозрачен и определен. Его неоднородность вытекает из охранительных целей, преследуемых писателями, и проявляется в своеобразном сочетании однозначного отрицания нигилистического миропонимания с не менее однозначным утверждением идеалов православия, самодержавия и народности. Нигилизм, чуждое русской ментальности и наносное явление, дискредитируется, в частности, через быт и нравы, поэтому большое место в романах А. Ф. Писемского («Взбаламученное море»), В. П. Ключникова («Марево»), В. В. Крестовского (обе части дилогии «Кровавый пух») и др. занимает этологическое начало.

Другая жанровая особенность – публицистичность, то страстная, то сдержанно торжественная, – связана прежде всего с героическим пафосом утверждения. Ограничимся одним, но очень выразительным примером пафосного стиля – встречей русского народа с Государем на пожаре из романа В. В. Крестовского «Панургово стадо»: «Это ему кричали “ура”... сотни тысяч грудей, поднятых одним восторженным порывом, одним стремлением... Русский народ встречал Русского Царя. Иной встречи и быть не могло!» [1, с. 279].

Пафос «великого пятикнижия» почвеннический. На первый взгляд, он мало чем отличается от пафоса антинигилистического романа. Более того, почвеннические идеи Достоевского, его суждения о ниги-

лизме оказали прямое влияние на В. В. Крестовского – автора «Двух сил», что проявилось, например, в рассуждениях Холодца, героя – alter ego писателя, об «алюминиевых казармах», жить в которых «по заведенным часам невыносимо будет для живых людей» [1, с. 392]. Однако триада «православие – самодержавие – народность» Достоевский понимает иначе, чем писатели-беллетристы антинигилистического лагеря. Еще Вяч. Иванов справедливо утверждал, анализируя мировоззрение Ф. М. Достоевского периода написания «Братьев Карамазовых»: «Современная Достоевскому формула: “православие, самодержавие, народность” – не была его формулой»; монархизм Достоевского был «славянофильский, утопический, оппозиционный современной ему форме самодержавия» [2, с. 162–163].

Хочется добавить, что не менее утопичным был его идеал народности. Образ народа-«богоносца» в «великом пятикнижии» в основном декларирован, а не воплощен (одно из немногих исключений – Макарыч Долгорукий в «Подростке»). Нет в «Братьях Карамазовых» ни картин единения народа с царем, как в романе В. Крестовского «Панургово стадо», ни сцен осуждения народом поджигателей-нигилистов, как у того же В. Крестовского в «пожарных» главах названного романа или в финальной сцене «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского.

С этим связано еще одно отличие последовательной романистики Ф. М. Достоевского от антинигилистического романа. В антинигилистической беллетристике альтернативой хаосу и разладу чаще всего становится то, что мыслится не просто как должное, а как реально существующее: каждодневная жертвенность кротких и мудрых героинь; мужество русских солдат и офицеров. Исполнение же «почвеннической» миссии русского народа в романистике Ф. М. Достоевского предполагается в неопределенном будущем: «От народа спасение Руси... Народ встретит атеиста и поборет его, – пророчит старец Зосима, – и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его... ибо сей народ – богоносец» [3, с. 285]. В поучениях Зосимы не случайно преобладает форма будущего времени. Реальность романного мира Достоевского – хаос и разлад: «Ибо все-

то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает», – высказывает заветные авторские мысли «таинственный посетитель» в «Братьях Карамазовых» [3, с. 275].

Идеал Вс. Крестовского дан как реально воплощаемое в настоящем; идеал Достоевского – как страстно желаемое: «Сие и буди, буди!» [3, с. 61]. И только в финальной сцене «Братьев Карамазовых» силой эмоционального убеждения и творческого воображения писателя происходит прорыв в желаемое, его приближение. Но и это не воплощение, а вера в возможность воплощения почвеннических иллюзий.

Публицистическое начало в «пятикнижии» тоже играет особую роль. Оно чаще всего подпитывает, энергетически заряжает страстные обличительные монологи героев-идеологов. Существование этого типа невозможно в художественной реальности антинигилистического романа. Невозможно в том статусе, который приобретает носитель идеи у Ф. М. Достоевского.

В антинигилистической романистике существует две характерологические вариации типа идеолога:

1) идеолог – alter ego автора (Варегин во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского, Холодец в «Двух силах» В. В. Крестовского), человек сбалансированный и здравомыслящий;

2) идеолог-антагонист, представитель русского нигилизма или польской смуты, чаще всего ничтожество (Красин в «Некуда» Н. С. Лескова) либо романтизированный злодей (Бронский в «Марева» В. П. Ключникова).

Герой-идеолог у Достоевского не вписывается в эту жанровую типологию. Конечно, пафос «Братьев Карамазовых» – в развенчании гордыни Ивана. Ф. М. Достоевский дважды, в письмах Н. А. Любимову и К. П. Победоносцеву, называет книгу «Pro et contra» «кульминационной точкой романа», а смысл этой книги характеризует как опровержение «крайнего богохульства» [4, с. 63, 66]. Однако, несмотря на разоблачающие реплики черта – сниженного двойника Ивана; несмотря на прямое столкновение бунта с «последним словом умирающе-

го старца» [4, с. 66], задуманным как ответ бунтарю; несмотря на омерзительную фигуру Смердякова – метафору лакейской души Ивана – и издаваемый героем на суде «неистовый вопль» [5, с. 118], «воплъ бесноватого» [6, с. 99], автору не удается деэстетизировать идеолога «карамазовщины» в той мере, в которой он деэстетизировал, разоблачил Раскольникова.

Одно из объяснений этого феномена можно найти в общих законах художественного мира позднего Достоевского. Поставив перед собой задачу «торжественно опровергнуть» [4, с. 64] богохульство своего героя, писатель эту задачу максимально и намеренно усложнил, взяв богохульство «как сам чувствовал и понимал, сильнее» и заставив героя выбрать тему «неотразимую: бессмыслицу страдания детей» [4, с. 66, 63]. Но подобный эстетический ход (развернутая апелляция к людским страданиям) был использован и в «Преступлении и наказании», однако мятежная аргументация Раскольникова не производит такого ошеломляющего эффекта, такого болезненного впечатления на читателя, как «бунт» Ивана Карамазова: в раскольниковской казуистике более ощутим подвох, дальний прицел, своекорыстный расчет героя.

На наш взгляд, главная причина различий кроется в характере использования автобиографического материала. Богоборческий бунт Ивана потому и проникнут такой искушающей силой отрицания, что «замешан» на неизжитых религиозных сомнениях автора. И глубоко не случайно то, что «бунт» Ивана Карамазова аргументирован именно детской темой, личной и особо болезненной для писателя, горячо любившего своих детей, тяжело пережившего потерю трехмесячной Сони (1868) и трехлетнего Алеши (1878). Опыт собственного отцовства заставляет Достоевского с особой, мучительной остротой воспринимать факты истязания детей, приводимые Иваном и взятые самим романистом из «текущей» уголовной хроники. Емко и впечатляюще писал об этом К. В. Мочульский: «Никто так бесстрашно не боролся с Богом, как автор „Легенды...“, никто так дерзновенно не вопрошал Его о справедливости миропорядка, и никто, быть может, так не любил Его... Из личного горя писателя вырастает бунт Ивана Карамазова» [7, с. 384].

Среди записей литературно-критического и публицистического характера, сделанных писателем в 1880–1881г., есть одна, часто цитируемая исследователями в связи с проблемой «Достоевский и религия»: «Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в «Инквизиторе» и в предшествовавшей главе... Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я!..» [4, с. 48]. В эти слова писатель дает, скорее всего, невольно, практически прямое указание на автобиографическую природу религиозного бунта Ивана Карамазова.

В другом высказывании – знаменитом ответе на инвективы критики – писатель говорит о преодолении религиозных сомнений как о свершившемся факте: «Не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла» [4, с. 86]. Однако редкая, пугающая эмоциональная убедительность карамазовского «мучительства» объясняется, по нашему убеждению, не только и даже не столько выстраданностью отвергнутых идей, но и тем, что полное изживание докаторжного атеистического опыта в какой-то мере оказалось иллюзорным.

Одним из путей преодоления «злобы дня» при создании образов идеологов служит и прием двойничества, впервые использованный, с полемической ориентацией и блистательно реализованный в разработке двойнических параллелей Иван Карамазов – черт, Иван Карамазов – Смердяков, Иван Карамазов – Великий Инквизитор [8]. У Достоевского, как и у Гофмана («Der Sandmann», «Der goldne Topf», «Die Elixiere des Teufels» и др.) прием двойничества выполняет почти исключительно inferнальную функцию и служит для реализации мотива бесовства.

Рассматривая «великое пятикнижие» как стройное творческое целое, необходимо помнить, что каждое из звеньев этой художественной системы отличается своими жанровыми особенностями. Формулируя жанровые определения, мы пытались акцентировать те аспекты, которые позволят, во-первых, дистанцировать послекаторжную романистику Ф. М. Достоевского от жанра антиинигилистического романа и, во-вторых,

показать жанровое «лицо» каждого из великих романов Ф. М. Достоевского.

Главный герой-идеолог «Преступления и наказания» – это «политический» нигилист, «бунт» которого зашифрован в уголовном преступлении и через уголовное преступление (убийство) оценен. Его идея пародийно соотнесена с теорией «разумного эгоизма» через кривое зеркало теории Лужина. Это политический роман-метафора.

В «Идиоте» нигилизм показан в бытовом плане, но с уголовными потенциями и в своем разлагающем влиянии на все сферы жизни. В этом романе наиболее сильно мифологическое начало, непосредственные переключения из бытовой сферы в библейский план. Кроме того, это роман-пародия. К. Степанян пишет: «Достоевский в своем романе, в котором Мышкин совершает эволюцию от “юродивого” к “безумцу”, показывает: если бы Христос был всего лишь человеком, произошло бы то, что случилось в “Идиоте”. Роман поэтому полон трагических пародий на евангельские сюжеты и события из Апокалипсиса» [9, с. 20].

В центре сюжета «Бесов» – политическая деятельность нигилистов, имеющая реальный прототип (создан образ конкретной идеи), но соединяющая в себе черты кружка Петрашевского и организации Нечаева. Этот политический роман-символ и роман-предупреждение формально в наибольшей степени связан с жанровыми традициями антинигилистического романа: «Выявление в “Бесах” онтологических причин грядущих революций помогло Достоевскому с поразительной точностью предсказать многое из конкретики свершившегося в XX в. в России» [9, с. 21].

В «Подростке» нигилисты вновь показаны как политическая организация, имеющая реальный жизненный прототип и намеревающаяся действовать, однако, в отличие от «Бесов», образы нигилистов оказываются на периферии сюжетного действия и практически не связаны с такой поэтологической особенностью антинигилистического романа, как памфлетность.

На первый взгляд, художественная реальность этого романа в наименьшей степени условна, хотя в то же время в наибольшей степени авантюрна, и К. В. Мочульский правомерно называет «Подрост-

ка» самым увлекательным из великих романов Достоевского. Однако мы бы назвали эффект реалистичности «Подростка» иллюзией жизнеподобия (отдавая себе отчет в тавтологичности данного термина). Темный «двойник» Ламберт, «такой плотский и навязчиво-натуральный», не менее загадочен и инфернален, чем Свидригайлов и мешанин в «Преступлении и наказании». Он тоже «буквально возникает из сна Подростка, переходит из сна в явь, является, востребованный душой Аркадия...» [10, с. 197; 7, с. 425–426].

Т. А. Касаткина полагает, что название романа метафорично: «Тысячелетняя Россия – тоже “подросток”, теперь только приготовляющийся жить... Чем к большему предназначен человек, тем дольше он растет, собирается с силами, укрепляется для своего пути». В произведении показано «некое переходное состояние – как общества, так и человека, подростковый период, череватый вразумлением и пониманием» [10, с. 194; 7, с. 423]. Высказанные Т. А. Касаткиной суждения помогли нам сформулировать такие жанровые определения «Подростка», как роман-аналогия и роман-надежда.

Рассматривая в контексте антинигилистической романистики роман «Братья Карамазовы» – «последнюю вершину» Ф. М. Достоевского, – мы считаем наиболее подходящим такое жанровое определение, как роман-завет, в финале которого, по определению И. Б. Роднянской, не только «сеется зерно... непосредственно братского единения», но и дается «грандиозное этическое задание» [11, с. 230].

Заключение

Предлагая индивидуальную жанровую характеристику каждому из романов «великого пятикнижия», мы ощущаем неполноту данных нами определений. Возможно, это происходит потому, что наши определения, затрагивая существенные аспекты жанрового содержания («политический роман») и жанровой формы («роман-метафора», «роман-символ») «пятикнижия», не способствуют выявлению его общей, онтологической сущности, той сверхзадачи, которой руководствовался писатель в своей послекаторжной романистике.

Мы полагаем, что эта сверхзадача точно и выразительно сформулирована Т. А. Касаткиной при анализе словесных икон в эпилогах пяти великих романов: «Таким образом и строятся эпилоги его романов – как прорыв сквозь кору и коросту времени и всех связанных с ним заблуждений, ошибок, самонадеянности к истинному своему облику, лику, пробиться к которому и составляет истинное счастье, задачу всей жизни человеческой и задачу каждого из романов Достоевского» [10, с. 311]. Процитированные слова возникают в русле размышлений Т. А. Касаткиной о «реализме в высшем смысле» – методе Достоевского, основанном на «изображении мира в единстве его метафизического и эмпирического измерений» [10, с. 481]. Однако они имеют

отношение и к характеристике жанровой специфики его романистики.

Именно ощущение присутствия «высшей» реальности в эмпирической позволяет Достоевскому творить особую реальность, в которой возможны «перетасовка» эпох, переключение от каждодневного ко всеобщему, прорыв – при сохранении жгучей злободневности – за пределы «злобы дня», – реальность, которая узнаваема и условна одновременно. Именно взгляд на эмпирическую реальность через призму метафизической позволил Достоевскому дать особую художественную трактовку нигилистическому миропониманию, выводящую его за жанровые рамки антинигилистической романистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестовский, В. В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского : в 8 т. / В. В. Крестовский ; под ред. Ю. Л. Ельца. – СПб. : Обществ. польза, 1899–1904. – Т. 3. – 1904. – 622 с.
2. Иванов, Вяч. И. Родное и вселенское : сборник / Вяч. И. Иванов ; сост., вступ. ст. и примеч. В. М. Толмачева. – М. : Республика, 1994. – 427 с.
3. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 14 : Братья Карамазовы. Кн. 1–10. – 1976. – 514 с.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 30.1 : Письма. – 1988. – 458 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 15 : Братья Карамазовы. Кн. 11–12 : Эпилог. Рукописные редакции. – 1976. – 625 с.
6. Ветловская, В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – Л. : Наука, 1977. – 199 с.
7. Мочульский, К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский. – М. : Республика, 1995. – 607 с.
8. Склеинис, Г. А. «Двойничество» в аспекте системности художественного творчества Ф. М. Достоевского / Г. А. Склеинис. – Магадан : Кордис, 2002. – 40 с.
9. Степанян, К. А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. – М. : Паритет, 2005. – 512 с.
10. Касаткина, Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т. А. Касаткина. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
11. Роднянская, И. Б. Художник в поисках истины / И. Б. Роднянская. – М. : Современник, 1989. – 382 с.

REFERENCES

1. Kriestovskij, V. V. Sbranije sochinienij Vsievoloda Vladimirovicha Kriestovskogo : v 8 t. / V. V. Kriestovskij ; pod ried. Yu. L. Yelca. – SPb. : Obshchiestv. pol'za, 1899–1904. – T. 3. – 1904. – 622 s.
2. Ivanov, Viach. I. Rodnoje i vsielienskoje : sbornik / Viach. I. Ivanov ; sost., vstup. st. i primiech. V. M. Tolmachiova. – M. : Riespublika, 1994. – 427 s.

3. Dostojevskij, F. M. Polnoje sobranije sochinienij : v 30 t. / F. M. Dostojevskij. – L. : Nauka, 1972–1990. – T. 14 : Brat'ja Karamazovy. Kn. 1–10. – 1976. – 514 s.
4. Dostojevskij, F. M. Polnoje sobranije sochinienij : v 30 t. / F. M. Dostojevskij. – L. : Nauka, 1972–1990. – T. 30.1 : Pis'ma. – 1988. – 458 s.
5. Dostojevskij, F. M. Polnoje sobranije sochinienij : v 30 t. / F. M. Dostojevskij. – L. : Nauka, 1972–1990. – T. 15 : Brat'ja Karamazovy. Kn. 11–12 : Epilog. Rukopisnye riedakcii. – 1976. – 625 s.
6. Vietlovskaja, V. Ye. Poetika romana «Brat'ja Karamazovy» / V. Ye. Vietlovskaja. – L. : Nauka, 1977. – 199 s.
7. Mochul'skij, K. V. Gogol'. Solov'jov. Dostojevskij / K. V. Mochul'skij. – M. : Riestpublika, 1995. – 607 s.
8. Skliejnis, G. A. «Dvojnichiestvo» v aspiektie sistiemnosti khudozhestviennogo tvorchiestva F. M. Dostojevskogo / G. A. Skliejnis. – Magadan : Kordis, 2002. – 40 s.
9. Stiepanian, K. A. «Soznat' i skazat'». «Riealizm v vysshem smyslie» kak tvorchieskij mietod F. M. Dostojevskogo / K. A. Stiepanian. – M. : Raritet, 2005. – 512 s.
10. Kasatkina, T. A. O tvoriashchiej prirodie slova. Ontologichnost' slova v tvorchiestvie F. M. Dostojevskogo kak osnova «riealizma v vysshem smyslie» / T. A. Kasatkina. – M. : IMLI RAN, 2004. – 480 s.
11. Rodnianskaja, I. B. Khudozhnik v poiskakh istiny / I. B. Rodnianskaja. – M. : Sovriemien-nik, 1989. – 382 s.

Рукапіс надрукаў у рэдакцыю 01.03.2023